

МЕЖДУНАРОДНАЯ БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-4-46-60

Лев Александрович ЛАЗУТИН

Уральский государственный юридический университет
Комсомольская ул., д. 21, Екатеринбург, 620137, Российская Федерация
mp@usla.ru.
ORCID: 0000-0002-3479-6612

Максим Александрович ЛИХАЧЕВ

Уральский государственный юридический университет
Комсомольская ул., д. 21, Екатеринбург, 620137, Российская Федерация
m.a.likhachev@gmail.com.
ORCID: 0000-0002-7848-5007

Поступила в редакцию: 19.09.2019
Принята к публикации: 28.11.2019

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД И РОССИЯ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ВМЕСТЕ

ВВЕДЕНИЕ. Создание Международного уголовного суда в 1998 г. явилось мощным стимулом к росту исследовательского и практического интереса к международному уголовному праву. Впервые в истории человечества создан постоянно действующий суд, в юрисдикцию которого вошли серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества. Тем не менее, первые два десятилетия функционирования института на фоне формально неудовлетворительных результатов породили массу споров о месте Суда, скепсис и разочарование в его перспективах. Усугубила ситуацию политика ряда государств, прямо критикующих МУС. Часть из них отозвали свои подписи из-под Римского статута или же денонсировали уже ратифицированный учредительный акт. Изнутри положение Суда осложняли разногласия между его подразделениями и кадровые проблемы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В ходе проведения исследования и написания статьи использовались работы отечественных и зарубежных спе-

циалистов в области международного права, в особенности международного уголовного права, акты международного и национального права, материалы средств массовой информации, статистика и отчеты Международного уголовного суда, представленные на его официальном сайте. Исследование основано на базе общенаучных методов познания (системный и структурный подходы, анализ и синтез, индукция и дедуция), а также специальных методов, используемых в юридической науке (сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-догматический методы).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Завышенные ожидания, организационные сложности, критическая внешняя среда, системные недостатки международного уголовного правосудия, давление официальных лиц и открытый нигилизм части академического сообщества – реалии, в которых работает Международный уголовный суд. В этих условиях изначальное скептическое отношение России к институту в совокупности с политически мотивированны-

ми претензиями в отсутствие беспристрастности и двойных стандартах предопределили отзыв ее подписи под Статутом в 2016 г. Статья посвящена анализу мотивов и оснований решения России не стать участником Римского статута в контексте общего положения Международного уголовного суда и позиции ряда международных акторов. В статье формулируется вывод об объективной и системной заданности ряда проблем МУС, типичности ряда недостатков Суда в свете организации международного правосудия и о специфичности его низкой эффективности.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Огульно критический крен при исследовании МУС зачастую приводит к превратным оценкам его работы и к завышенным требованиям к Суду, а отсюда и неадекватности формулируемых рекомендаций.

Общий негативный фон – благоприятная среда для политически мотивированных радикальных решений. Участие же России в МУС при отсутствии непримиримых правовых коллизий с требованиями российской правовой системы необходимо – России, Суду, международному праву.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Международный уголовный суд, Римский статут, международное уголовное право, международное правосудие, международные обязательства РФ, международные преступления, Нюрнбергские принципы

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лазутин Л.А., Лихачев М.А. 2019. Международный уголовный суд и Россия: быть или не быть вместе. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 46–60. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-4-46-60

INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-4-46-60

Lev A. LAZUTIN

Ural State Law University
21, ul. Komsomolskaya, Yekaterinburg, Russian Federation, 620137
mp@usla.ru
ORCID: 0000-0002-3479-6612

Maksim A. LIKHACHEV

Ural State Law University
21, ul. Komsomolskaya, Yekaterinburg, Russian Federation, 620137
m.a.likhachev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7848-5007

Received 19 September 2019
Approved 28 November 2019

INTERNATIONAL CRIMINAL COURT AND RUSSIA: TO BE OR NOT TO BE TOGETHER

INTRODUCTION. *The creation of the International Criminal Court in 1998 boosted significantly the interests of practitioners and researchers as regards international criminal law and procedure. It was the very first time when the permanent interna-*

tional court dealing with crimes of the concern of the international community was created. Twenty years being passed but the formal quantitative results of the Court coupled with disputes as regards Court's role and status, skepticism and disappointment of

his work provoked an overall critic and negligence. It was aggravated by the direct critic delivered by a few states. Some of them refused to become a party to the Rome Statute or withdrew its ratification thereof. The same was with the internal situation in the Court: reluctance about the cooperation of the forensic unities and HR-disputes.

MATERIALS AND METHODS. To prepare this paper the academic teachings of Russian and foreign specialists in international law and especially international criminal law, international and domestic legal instruments, media publications, reports and statistics of the ICC official web page were used. This study is premised on using the general methods of cognition (systemic and structural approaches, analysis and synthesis, deduction and induction) and methods of legal research (comparative, historical and formally-dogmatic methods).

RESEARCH RESULTS. Exaggerated expectations, organizational shortcomings, external explicit backlash, system obstacles of the international justice, pressure of officials and overt nihilism of the academics – that is where the Court have no choice but to work. Russian skepticism coupled with political observations provoked Russia's 2016 withdrawal of its signature from the Rome Statute. The paper deals with Russian motives and reasons of the abovementioned

decision. The analysis is carried out within the general pattern of the functioning of the Courts and its drawbacks. The stance of the main stakeholders is also considered. The authors conclude that the main reason of the Court's default is predetermined considerably by the systematic and objective factors not dependent on the Hague court. At the same time some of the problems are deemed to be typical for international justice per se.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The bashing as regards the Court and its results excludes the impartiality in assessing ICC's results and impedes the correct reasoning and offering adequate recommendations. The general negative narrative backs sufficient background for taking solely politically motivated decisions what the Russian experience proves.

KEYWORDS: International criminal court, Rome Statute, international criminal law, international justice, international commitments of the Russian Federation, international crimes, Nuremberg principles

FOR CITATION: Lazutin L.A., Likhachev M.A. International Criminal Court and Russia: to be or not to be together. – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No 4. P. 46–60.

DOI: 10.24833/0869-0049-2019-4-46-60

16 ноября 2016 г. Президент Российской Федерации подписал распоряжение «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда», тем самым отозвав российскую подпись из-под учредительного акта (далее также – Римского статута, Статута) Международного уголовного суда (далее также – Суда, МУС) от 13 сентября 2000 г.¹ В результате пока для России завершилась история длительной неопределенности относительно перспектив участия страны в работе Гаагского трибунала. В то же время, очевидно, принятое решение не снимает вопроса о сотрудничестве РФ с международной судебной инстанцией, как и не исключает в перспективе возвращения к проблеме присоединения к Статуту.

Едва ли президентское распоряжение явилось неожиданностью для профессиональных и академических кругов. Все это время на практике и в доктрине сохранялся высокий интерес к политическим и правовым мотивам нерешительного отношения России к Международному уголовному суду, а сегодня – к основаниям такого радикального решения.

Частично ответ на поставленные вопросы дан в Заявлении Министерства иностранных дел России 16 ноября 2016 г., в котором указано, что «[к] сожалению, Суд не оправдал возложенных на него надежд и не стал подлинно независимым, авторитетным органом международного правосудия. В принципиальном плане на различных площадках, в том числе в Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности ООН, отмеча-

¹ Распоряжение Президента Российской Федерации №361-рп от 16 ноября 2016 года «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда». – *Российская газета*. 18.11.2016. Доступ: <https://rg.ru/2016/11/18/statut-dok.html> (дата обращения: 15.08.2019).

лась неэффективная и однобокая работа Суда в рамках расследуемых им дел. Показателен факт – за 14 лет своей работы МУС вынес всего 4 приговора, израсходовав при этом более 1 млрд долларов»².

Приведенные МИД аргументы, скорее, объясняют российскую позицию с политической стороны. К неправовым основаниям выхода РФ из МУС мы обратимся позже. Сейчас же акцентируем внимание на юридических причинах решения главы государства. Именно вопрос о соответствии или несоответствии российского национального законодательства Статуту Международного уголовного суда в большей степени интересует не только юристов-международников, но и практикующих правоведов.

Проблема конституционности Римского статута и потенциальных российских обязательств в связи с участием в работе Международного уголовного суда неоднократно обсуждалась на разных уровнях – как доктринальном, так и официальном. Этот вопрос был предметом обсуждения в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, на международных конференциях, в рамках всероссийских конференций и круглых столов³. Казалось, что всевозможные и непредвиденные обстоятельства учтены и мы имеем четкое представление о необходимости изменений и уточнений нашего законодательства и приведения его в соответствие с нормами Римского статута. Но чем дальше отодвигался процесс ратификации, тем глубже становилась «пропасть» в толковании и подходах национального законодательства и положений учредительного акта Суда.

Ориентированность российского права на международное право однозначно отражена в важнейших конституционных нормах. Так, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ – основополагающая норма-принцип, определяющая место международно-правовых обязательств России в российской правовой системе. Соответствующее конституционное положение состоит из двух установлений – общего правила (первое предложение) и

коллизийного регулятора, устанавливающего соотношение применимых норм международного права и российского законодательства (второе предложение): «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ предусмотрены иные правила, чем законом, то применяются правила международного договора».

Часть 4 ст. 15 Конституции РФ устанавливает, что международные договоры как составная часть ее правовой системы подлежат прямому внутригосударственному применению. Причем таким качеством и действием обладают лишь те международные договоры, согласие на обязательность которых выражено Российской Федерацией в установленных международным и национальным правом формах и которые вступили в силу для России.

В случае возникновения коллизии между ратифицированным международным договором и федеральным законом приоритетом применения будет обладать ратифицированный международный договор. Иные (нератифицированные) международные договоры РФ обладают приоритетом лишь над подзаконными актами тех государственных органов, которые от имени РФ заключили международный договор [Игнатенко, Марочкин 2003: 38]⁴.

Международно-правовая ориентация конституционной нормы ч. 4 ст. 15 усиливается установлениями ч. 1 ст. 17 Конституции, декларирующей, что «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

В духе упомянутых конституционных норм ориентиров ст. 79 Конституции России закрепляет правовую возможность передачи части полномочий Российской Федерации в международные (межгосударственные) организации (объединения) в соответствии с международными

² В МИД России заявили, что МУС так и не стал авторитетным органом правосудия. – *РИА Новости*. 16.11.2016. Доступ: <https://ria.ru/20161116/1481490728.html> (дата обращения: 15.08.2019).

³ В частности, вопросы соотношения норм Статута и законодательства Российской Федерации рассматривались на многих международных научных конференциях, например «Международный уголовный суд и укрепление верховенства власти» (11–12 февраля 2002 г., Москва), «Римский статут Международного уголовного суда: имплементация на национальном уровне» (4–5 февраля 2004 г., Москва).

⁴ См.: п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Доступ: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=18852 (дата обращения: 04.08.2019).

ми договорами. Таким образом, Конституция РФ допускает делегирование отдельных функций государственной власти международным органам, к числу которых, несомненно, относится и Международный уголовный суд.

Тем не менее, Конституция как основной закон государства ограничивает пределы такой передачи компетенции и устанавливает, что передача полномочий может осуществляться, «если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя» (ст. 79 Конституции РФ). В этой связи необходимо обратиться к ст. 11 Основного закона, которая, составляя основы конституционного строя (глава 1 Конституции РФ), закрепляет конституционные органы Российской Федерации, осуществляющие государственную власть, в число которых входят российские суды. Более того, ст. 118 Конституции РФ конкретизирует положения ст. 11, предписывая, что правосудие осуществляется только судом, а судебная система устанавливается Конституцией РФ и федеральным конституционным законом. Таким образом, создание судов в ином порядке, в том числе в порядке заключения международного договора, Конституцией РФ не предусмотрено.

При этом ст. 1 Римского статута говорит о правовом статусе Международного уголовного суда как органа, дополняющего национальные органы уголовной юстиции. Указанное положение по своей сути означает, что наряду с национальными судебными органами, действующими в государстве, признается существование и юрисдикция иных, комплементарных судебных органов. Очевидно, такой подход международного акта расходится с пониманием, отраженным в Конституции РФ.

Все-таки существуют альтернативные внесению поправок в текст Конституции РФ способы примирения внешне противоречивых положений национального конституционного и международного права. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., участником которой является Россия, недвусмысленно закрепляет правило о том, что «участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им

договора» (ст. 27). Сформулированный принцип означает то, что в случае противоречия внутреннего акта международному договору приоритет в применении должно иметь соответствующее положение международного договора.

Сама по себе указанная коллизионная норма противоречия между внутренним и международным актом не снимает и в случае противоречия все равно требует приведения внутреннего акта в соответствие с положениями международного договора. Принцип недопустимости ссылки на нормы внутреннего права как на основание для невыполнения международных обязательств можно было бы ограничить тем кругом внутренних правовых актов, которые не составляют основной закон государства. В таком случае Конституция РФ как акт прямого действия и высшей юридической силы в российской правовой системе по своей юридической силе может быть выше любого международного договора. Именно такой подход косвенно отражен в известном постановлении Конституционного Суда июля 2015 г. о приоритете положений Конституции над постановлениями Европейского Суда по правам человека⁵.

В ответ на известную статью председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина «Пределы уступчивости» 2010 г.⁶ профессор Г.В. Игнатенко выдвинул идею сопряжения международно-правового и внутригосударственного регулирования как одного из аспектов взаимодействия национального и международного права: «...юридически адекватное решение видится не в поиске приоритета, а в установлении равноценности и равнозначности при толковании и применении норм Конституции и норм международного договора. В этом контексте представляется вполне уместным и юридически корректным совмещение (сопряжение) Конституции и международного договора... в таких случаях происходит применение международно-правовых норм вне международных правоотношений. Государство, его органы и другие компетентные учреждения, юридические и физические лица реализуют свои полномочия и личностные правомочия как субъекты внутригосударственного права. Соответственно, изменяется содержательная функция применения международно-

⁵ Оставим за рамками настоящей статьи дискуссию о международной правомерности такого подхода Конституционного Суда РФ.

⁶ Зорькин В.Д. Предел уступчивости. – *Российская газета*. 29.10.2010. Доступ: <https://rg.ru/2010/10/29/zorkin.html> (дата обращения: 15.08.2019).

правовых норм к индивидам и осуществления этих норм самими индивидами...» [Игнатенко 2011: 38].

Такому подходу к проблеме отвечал распространённый в международной и национальной практике принцип статутного толкования, в соответствии с которым противоречий международно-правовой норме последующий закон интерпретируется таким образом, чтобы обеспечить совместимость, согласованное применение международного права и национального закона в широком его понимании, исходя из презумпции, что законодатель не имел намерения вызвать ответственность государства за нарушение обязательств по международному праву. При этом исходят из презумпции отсутствия противоречия между международным и внутригосударственным правом и презумпции наличия норм внутригосударственного права, необходимых для реализации международных обязательств. Поскольку международное право основывается на общем согласии государств, предполагается, что государство не может намеренно создать норму, противоречащую международному праву. В таких случаях нормы внутригосударственного права должны быть истолкованы так, чтобы устранить это противоречие или не допустить его [Осмнин 2014; Оппенгейм 1948: 62].

В этом смысле положения ст. 118 Конституции, предусматривающие нормативные основания учреждения и функционирования национальной судебной системы, могли бы быть истолкованы расширительно, как включающие в себя по смыслу Конституции и соответствующего федерального конституционного закона еще и международно-правовые акты (по крайней мере, ратифицированные Россией международные договоры).

При таком раскладе коллизия норм международного и национального конституционного права решается на основании принципа *pacta sunt servanda*: государством признается положение международного договора как части соб-

ственной правовой системы и обеспечивается его исполнение. Так, к примеру, было во Франции, когда Конституционный совет Франции отметил, что применение принципа комплементарности, лежащего в основании юрисдикции МУС, ограничивается случаями, когда то или иное государство намеренно уклоняется от выполнения своих обязательств по международному договору. Такое решение исходит из общепризнанного принципа *pacta sunt servanda*. На этом основании Совет пришел к выводу о том, что положения Статута соответствуют Конституции Франции и не нарушают государственный суверенитет⁷. Представляется, что подобное решение пригодно и для российской стороны.

Еще одна особенность организации Международного уголовного суда вызывает споры и разночтения – это норма относительно недопустимости ссылки на должностное положение лица как на основание освобождения от уголовной ответственности (ст. 27 Римского статута). В рамках данного вопроса мы остановимся только на проблеме неприкосновенности (иммунитета) глав государств. Налицо бесспорная тенденция перехода от абсолютного иммунитета суверена (монарха), олицетворяющего государство, к функциональному по своей сути иммунитету глав современных государств. При этом отсутствие иммунитета высших должностных лиц, обвиняемых в совершении международных преступлений, перед международным правосудием практически общепризнано⁸.

Тем не менее значимым фактором-фасилитатором ответственности главы государства за международные преступления могла бы послужить криминализация таких деяний внутренним законодательством, нарушение которого не освобождает главу государства от ответственности⁹. В соответствии со ст. 91 Конституции РФ Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью. В самой Конституции РФ содержание этого понятия не раскрывается. Однако предусмотренная в Конституции РФ

⁷ Доклад по конституционным вопросам, возникшим в связи с ратификацией Римского Статута Международного уголовного суда. 2001. Доступ: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/venice-commission-271004.htm> (дата обращения: 16.08.2019).

⁸ Принципы международного права, признанные статутom Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала. Текст, принятый на второй сессии Комиссии международного права в 1950 г. и представленный Генеральной Ассамблеей как часть доклада Комиссии о работе указанной сессии. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml (дата обращения: 15.08.2019).

⁹ При этом важно помнить, что национальная декриминализация международных преступлений не предопределяет ответственность лиц, в том числе из высших эшелонов власти, по международному праву перед международным судом.

возможность привлечения Президента к ответственности означает отсутствие абсолютного иммунитета. Так, предусмотрен порядок отрешения от должности Президента РФ, в том числе в случае совершения им тяжкого преступления. В соответствии со ст. 93 Совет Федерации принимает решение об отрешении от должности на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтвержденного заключением Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента признаков преступления, и на основании заключения Конституционного Суда РФ о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения.

При всей сложности и многоступенчатости подобная процедура (инициатива одной трети депутатов Государственной Думы, создание комиссии, решение Государственной Думы о выдвижении обвинения, заключения Верховного Суда и Конституционного Суда, решение Совета Федерации об отрешении от должности) не освобождает Президента Российской Федерации от ответственности, гарантируя в то же время принятие решения, свободного от излишней политизации. Необходимо отметить, что в соответствии со ст. 27 Римского статута МУС Международный уголовный суд может привлечь к уголовной ответственности главу государства, главу правительства и иных высших должностных лиц.

Возникает вопрос – можно ли считать, что специальный порядок привлечения высших должностных лиц к уголовной ответственности, предусмотренный национальным законодательством, предполагает право указанных должностных лиц требовать соблюдения указанного порядка и что это право требования представляет собой особое право гражданина? Ответ на поставленный вопрос заключен в ст. 79 Конституции РФ, в которой говорится о недопустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина, установленных в главе 2 Конституции, и необходимости учета в таких ситуациях общепризнанных принципов и норм международного права. В этом ключе положения ст. 27 Статута как отражающие общепризнанный принцип международного права приемлемы для России.

Тем не менее даже такое решение не исключает некоторого позитивистского расхождения в нормах национального права и Римского статута, что потребовало бы внесения в Конституцию РФ соответствующих изменений.

Необходимо также остановиться на противоречии ст. 20 Римского статута МУС, предусматривающей исключение из правила *non bis in idem*, и ч. 1 ст. 50 Конституции РФ. Так, в соответствии с упомянутой статьей Статута никакое лицо, которое было судимо другим судом за преступление, подпадающее под юрисдикцию МУС, не может быть судимо судом за то же самое деяние. Вместе с тем, статья устанавливает два исключения из данного правила: когда разбирательство в другом суде предназначалось для того, чтобы оградить лицо от уголовной ответственности, или когда разбирательство не было проведено независимо или беспристрастно и проводилось таким образом, что не отвечало цели предать соответствующее лицо правосудию.

Таким образом, Статут устанавливает случаи, когда Международный уголовный суд может повторно привлечь лицо, которое уже было судимо национальным судом за то же самое преступление, к уголовной ответственности. Что касается нормы Конституции РФ, то ч. 1 ст. 50 закрепляет положение, при котором никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление. При этом никаких исключений из этого правила не предусмотрено. В этой части очевидно несоответствие нормы Статута положениям Конституции РФ¹⁰.

Дискуссионным остается вопрос о понятиях «выдача» и «передача лица в распоряжение суда». Казалось бы, эти вопросы давно понятны и об институте выдачи (экстрадиции) сказано и написано достаточно много и доходчиво [Лазутин 2008]. И тем не менее проблема возникает в связи со ст. 61 Конституции РФ, которая закрепляет принцип недопустимости выдачи российских граждан иностранным государствам. Возникает вопрос, как рассматривать запрос со стороны Международного уголовного суда на передачу в его распоряжение лица на основании ст. 89 Римского статута – как выдачу, которая запрещена Конституцией РФ, или же как отличный от экстрадиции, самостоятельный институт?

¹⁰ Более того, эти исключения, предусмотренные ст. 20 Статута МУС, находятся в противоречии с положениями Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (п. 7 ст. 14), которые представляют собой общепризнанные нормы международного права (в отличие от обсуждаемой нормы Римского статута).

Если исходить из буквального толкования Конституции РФ, приведенные понятия не идентичны. Выдача как отдельная процедура в рамках правовой помощи по уголовным делам предполагает предоставление лица иностранному государству, но не международным органам. Более того, если обратиться к текстам международных договоров о выдаче, то, как известно, термин «выдача» в английском языке обозначается понятием «extradition» (экстрадиция). Что касается «передачи в распоряжение суда» («surrender of persons to the Court»), то это самостоятельный институт и, соответственно, в противоречие с Конституцией РФ не вступает. Вместе с тем, нужна более четкая регламентация передачи лиц своего гражданства в распоряжение международного судебного органа в национальном законодательстве государств.

Статья 105 Римского статута предусматривает также, что приговор о назначении наказания в виде лишения свободы является обязательным для государств-участников, которые ни при каких обстоятельствах не могут изменять его. Конституция РФ в п. 3 ст. 50 предоставляет каждому осужденному право просить о помиловании или смягчении наказания. В соответствии со ст. 89 помилование осуществляет Президент Российской Федерации. В данном случае мы видим противоречие положения Статута нормам Конституции РФ, причем такая коллизия ограничивает права человека.

Следует обратить внимание и на положение ст. 108 Статута, которая требует от государства получения одобрения Международного уголовного суда для уголовного преследования и наказания лица за иные действия, чем те, за которые оно было ранее судимо Международным уголовным судом. Данная статья нарушает принцип независимости судебных органов. Некоторые государства уже обращали внимание на такую коллизию – в частности, Государственный совет Бельгии в Заключении от 21 апреля 1999 г. по законопроекту об одобрении Римского статута

МУС¹¹. Предполагаем, что с Конституцией РФ данное требование учредительного акта МУС не вступает в противоречие: наличие такого полномочия у Суда обусловлено передачей части компетенции РФ межгосударственному объединению в соответствии с международным договором (ст. 79 Конституции РФ).

Таким образом, несмотря на имеющиеся противоречия между отечественным конституционным регулированием и требованиями Римского статута, даже с формально-юридических и позитивистских позиций проблема не выглядит неразрешимой. Большинство коллизий устранимы путем надлежащего согласованного толкования соответствующих норм Конституции РФ и международного права. Такое замечание тем более актуально, учитывая в целом достаточно гибкий подход Конституционного Суда России по вопросам политического консенсуса¹².

Тем не менее, ответ на вопрос о мотивах российской стороны при принятии решения об отзыве подписи из-под Римского статута лежит не только в юридической, международно-правовой плоскости, но и, несомненно, в политическом поле.

Все последние годы только ленивый не ругал Международный уголовный суд. Галопирующая критика деятельности Гаагского трибунала широко представлена как в отечественной [Международный уголовный суд... 2008; Скуратова 2016], так и в зарубежной литературе [Bassiouni 2010; Kirsch 2001; Sievert 2006]. При этом наивно и самонадеянно было бы утверждать, что проблемы Международного уголовного суда иллюзорны или имманентны, в том смысле, что все же его критика мало чем по своим доводам отличается от критики любого другого международного судебного учреждения (исторического или ныне существующего).

Любопытны итоги работы МУС за 17 лет функционирования (с 2002 г.). На 17-й встрече Ассамблеи государств – участников Римского статута в декабре 2018 г. представитель Велико-

¹¹ Сафаров Н. Обзор законодательства стран Содружества Независимых Государств на соответствие Статуту Международного уголовного суда. 2002. Доступ: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/cis.pdf> (дата обращения: 16.08.2019).

¹² См., например, подход Конституционного Суда РФ по политически мотивированным решениям и к их интеграции в правовое поле. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2014 г. № 6-П Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов». – *Российская газета*. 20.03.2014. Доступ: <https://rg.ru/2014/03/19/ks-site-dok.html> (дата обращения: 16.08.2019).

британии заявил: «По истечении 20 лет и после потраченных 1,5 млрд евро мы располагаем только тремя обвинительными приговорами по ключевым преступлениям»¹³. Действительно: вынесены 8 обвинительных приговоров, один из которых отменен в апелляции, один вынесен в связи с признанием вины и 4 касаются нарушений в области отправления правосудия (ст. 70 Статута)¹⁴. В итоге подтверждением обвинения и осуждением с последующим инициированием процедуры компенсаций завершились лишь три дела: аль-Махди (Мали, 9 лет), Катанги (Демократическая Республика Конго, 12 лет) и Лубанги (Демократическая Республика Конго, 14 лет)¹⁵. Зато среди шести закрытых дел значатся: два по Кении (обвинения отозваны), одно по Дарфур (обвинения не подтверждены), дело Бемба (оправдан в апелляции), два по ДРК (оправдание и отклонение обвинений)¹⁶. Несомненно, такие результаты едва ли отличают успешный международный институт.

Вряд ли такой экстенсивный подход к оценке работы Суда достаточен для вынесения «приговора» Гаагскому трибуналу. Тем не менее, в совокупности с другими проблемами низкие количественные показатели деятельности МУС довершают печальную картину его теперешнего состояния. Неутешительные результаты работы Трибунала связывают с непростым климатом, в котором вынужден работать МУС.

Во-первых, это – географически универсальный охват юрисдикции и, соответственно, пространства деятельности. Физическая отдаленность от объекта разбирательства, участников конфликта, доказательств существенно осложняют работу Суда.

Во-вторых, исторический опыт подтверждает, что международные уголовные судебные учреждения успешнее справляются со своими задачами при прямой и прочной поддержке со

стороны влиятельных глобальных игроков. Яркий тому пример – Международный трибунал по бывшей Югославии, пользовавшийся расположением США и ряда европейских государств.

В-третьих, ограниченность ресурсов (административных, финансовых), а также высокий статус института обязывает Суд ориентироваться на расследование преступлений, совершенных высокопоставленными лицами. В то же время зачастую последовательное расследование злодеяний преступников среднего звена с формированием твердой и разветвленной доказательственной базы – залог успешного преследования чинов более высокого уровня, в том числе первых лиц государства¹⁷.

В дополнение к непростым внешним факторам, затрудняющим прогресс в работе Международного уголовного суда, трибунал столкнулся с рядом внутриорганизационных проблем. Так, в начале 2019 г. масс-медиа широко освещали заявления и последующие судебные иски ряда судей МУС, требовавших повышения ежегодного не облагаемого налогом довольствия с 200 до 230 тыс. евро¹⁸. На фоне растущей критики Суда и сомнительных результатов работы претензия судейского корпуса не нашла понимания со стороны коллег и членов профессионального сообщества.

Судья МУС Кристин Ван ден Вингергт в одном из интервью датскому изданию скептически высказалась о роли и месте Палаты предварительного производства в системе Суда: Палата оказалась «ошибкой в правовой архитектуре», которая «замедляет все что можно»¹⁹. В этом плане дело бывшего президента Кот-д'Ивуара Гбагбо – яркий пример низкой эффективности структурного звена Суда. Тогда Палата, вместо того чтобы предотвратить развитие слабого дела, путем неоднократного предоставления «вторых шансов» прокурору в конце концов завела все в тупик.

¹³ UK statement to ICC Assembly of States Parties 17th session. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/uk-statement-to-icc-assembly-of-states-parties-17th-session> (accessed date: 16.08.2019).

¹⁴ Situations. International Criminal Code. URL: <https://www.icc-cpi.int/pages/situations.aspx> (accessed date: 16.08.2019).

¹⁵ Reparation / Compensation stage. International Criminal Court. URL: <https://www.icc-cpi.int/Pages/ReparationCompensation.aspx> (accessed date: 16.09.2019).

¹⁶ Closed stage. International Criminal Court. URL: <https://www.icc-cpi.int/Pages/closed.aspx> (accessed date: 16.08.2019).

¹⁷ Guilfoyle D. This is not fine: The International Criminal Court in Trouble. – *EJIL Talk!*. March, 21 2019. URL: <https://www.ejiltalk.org/part-i-this-is-not-fine-the-international-criminal-court-in-trouble/> (accessed date: 16.09.2019).

¹⁸ In The Hague's Lofty Judicial Halls, Judges Wrangle Over Pay. – *The New York Times*. January 20, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/01/20/world/europe/hague-judges-pay.html> (accessed date: 16.09.2019).

¹⁹ Het Strafhof moet dringend in de spiegel kijken. – *Blendle*. 2019. URL: https://blendle.com/i/de-standaard/het-strafhof-moet-dringend-in-de-spiegel-kijken/bnl-destandaard-20190126-ca37e5be_1d83_11e9_aa6b_ccc635eb137c (accessed date: 16.08.2019).

Другая проблема – вовлечение в процедуру жертв преступлений в автономном процессуальном качестве. В результате растущие необоснованные ожидания жертв вступают в неизбежное противоречие с интересами оперативности процедуры Суда и сбалансированности интересов сторон по делу²⁰.

Ещё одна внутренняя институциональная проблема Суда – офис прокурора. Исследователи отмечают чрезмерную дискрецию обвинителя в субстантивном отборе дел и обвиняемых (впоследствии подсудимых), а отсюда и высокую политизированность его деятельности [Stahn 2019: 278-281]. Превратное медийное, профессиональное и общественное восприятие роли прокурора Международного уголовного суда существенно усугубила работа первого лица в этой должности – Луиса Морено-Окампо (с 2003 до 2012 гг.). Провокационные и самонадеянные заявления обвинителя, категоричное обращение со служащими и ряд скандалов, ставящих под сомнение его беспристрастность, нанесли вред репутации института прокурора как такового²¹. Неоднозначным с точки зрения интересов правосудия явился подход Морено-Окампо к расследованию: «короткое и акцентированное» («short and focused»), «больше доказательств от государств и меньше от свидетелей» («more evidence from States, less from witnesses»), «короткие разбирательства в суде по ограниченному числу обвинений» («short trials with few charges») [Kambale 2015]. Такой доказательный метод прокурора вызвал неизбежные столкновения с судебными палатами МУС, а также последних с Палатой предварительного производства. Таким образом, на самых первых порах структурным подразделениям Суда, призванным действовать

едино и согласованно, не удалось наладить взаимодействие.

Сменившая же Морено-Окампо Фату Бенсуда начала исполнение обязанностей с громкого скандала: оказалось, что новый прокурор поддерживала тесные контакты с прежним прокурором по всем делам, доставшимся ей от предшественника²². При этом разногласия между судебной и прокурорской частями МУС только усугубились. Так, после оправдания в июне 2018 г. одного из военных командиров конфликта в Центрально-Африканской республике Жан-Пьера Бембы²³ Фату Бенсуда выступила с заявлением, позволив себе категорические критические высказывания в адрес Апелляционной палаты МУС, обвинив последнюю в применении ненадлежащих методов оценки доказательств по делу²⁴.

Не меньшие разногласия характерны для судебного корпуса Международного уголовного суда. Судьи противоречат друг другу не только по существу и содержанию позиции Суда, но и по ряду административных вопросов. Так, по громкому делу Гбагбо в начале 2019 г. судья Кармен Ибаньес Карранса выступила с резким особым мнением относительно назначения в качестве председателя апелляционного состава президента Международного уголовного суда судьи Чиле Эбо-Осуджи²⁵. В ответ на заявление Каррансы с совместной декларацией в защиту принятого решения выступили судьи Чиле Эбо-Осуджи и Петр Хофманьски²⁶. Комментаторы отмечают и другие ситуации с более серьезными расхождениями судей по принципиальным вопросам толкования и правоприменения, существенно подрывающими авторитет ключевого международного судебного органа²⁷.

²⁰ Guilfoyle D. Op. cit.

²¹ The Prosecutor and the President. – *The New York Times*. June 26, 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/06/26/magazine/international-criminal-court-moreno-ocampo-the-prosecutor-and-the-president.html> (accessed date: 16.08.2019).

²² Current ICC Chief Prosecutor Weighed Down by Predecessor. – *Spiegel*. 2017. URL: <https://www.spiegel.de/international/world/international-criminal-court-scandal-widens-a-1173156.html> (accessed date: 16.08.2019).

²³ Cases Information Sheet. International Criminal Court. URL: <https://www.icc-cpi.int/CasesInformationSheets/bembaEng.pdf> (accessed date: 16.08.2019)

²⁴ Statement of ICC Prosecutor, Fatou Bensouda, on the recent judgment of the ICC Appeals Chamber acquitting Mr Jean-Pierre Bemba Gombo. 2018. URL: <https://www.icc-cpi.int/Pages/item.aspx?name=180613-OTP-stat> (accessed date: 16.08.2019).

²⁵ Well, the Gbagbo “No Case to Answer” Appeal Should Be Interesting. – *Opinio Juris*. January 22, 2019. URL: <http://opiniojuris.org/2019/01/22/well-the-gbagbo-no-case-to-answer-appeal-should-be-interesting/> (accessed date: 16.08.2019).

²⁶ The ICC and Appeals Division Presidents Defend the Presiding Judge Decision. – *Opinio Juris*. January 22, 2019. URL: <http://opiniojuris.org/2019/01/22/the-icc-and-appeals-division-presidents-defend-the-presiding-judge-decision/> (accessed date: 16.08.2019).

²⁷ The Significance of Institutional Culture in Enhancing the Validity of International Criminal Tribunals. 2017. URL: https://brill.com/view/journals/icla/17/4/article-p703_703.xml (accessed date: 16.09.2019).

Тем не менее, едва ли внимательный читатель не согласится, что в той или иной степени подобные проблемы характерны для любого международного судебного учреждения. Такие суды занимают особое положение в иерархии международных институтов, что обусловлено не только значимостью объекта спора с точки зрения интересов государств. В некотором смысле вызовом для таких судов является их разномастный состав, ориентированный на справедливое географическое представительство, представительство различных правовых систем, а также высочайший уровень профессионализма, признанный общественный статус кандидатов в судьи, а отсюда их амбициозность и идейная принципиальность.

Организационная и функциональная неполноценность и низкая эффективность Международного уголовного суда обусловлены причинами системного порядка. В этом смысле правильное замечание сделал А.С. Исполинов – о том, что «МУС оказался крайне проблемным институтом, который, вполне вероятно, был создан *преждевременно*» [курсив наш. – Л.Л., М.Л.]²⁸. Государство по своей природе не готово допускать в сферу уголовной юрисдикции иных лиц, в особенности тех, кто не только от него не зависит, но еще и довлеет над ним. Отсюда рудиментарный характер международного уголовного права [Cassese 2013: 3-9], связанный с беспрестанным балансированием между интересами государства (сохранить свои суверенные прерогативы) и интересами международного сообщества (исключить «вуаль суверенитета» как препятствие на пути искоренения безнаказанности и неизбежности кары). Отсюда же и зависимость международного уголовного права в его имплементации от права внутригосударственного [Верле 2011: 35-37], любого международного уголовного суда – от воли государств и их желания (способности) к сотрудничеству.

Многие чуть не в качестве «последнего гвоздя в крышку гроба» Международного уголовного суда рассматривают решение Палаты предвари-

тельного производства апреля 2019 г. об отказе прокурору Суда в расследовании ситуации в Афганистане. Еще в 2018 г. прокурор Фату Бенсуда заявила о намерении начать расследование преступлений, совершенных на афганской территории начиная с 2003 г. всеми воюющими сторонами, в числе которых недвусмысленно заявлены талибы, правительственные вооруженные силы, а также военнослужащие США и сотрудники ЦРУ.

Тогда эта инициатива вызвала беспрецедентно резкую и даже циничную реакцию американской стороны. 10 сентября 2018 г. тогдашний советник Президента США по вопросам национальной безопасности Дж. Болтон заявил, что Вашингтон в случае реализации заявленных планов применит санкции к судьям, прокурору и иным служащим «безответственного» и «абсолютно опасного» Суда²⁹. Реакция прогрессивной мировой общественности, в том числе государств Западной Европы, выразилась в единодушной поддержке Международного уголовного суда и в косвенном осуждении американской позиции³⁰.

Большинство комментаторов сходятся во мнении, что МУС поддавался давлению со стороны Белого дома и уступил, отказавшись инициировать полномасштабное расследование американских преступлений в Афганистане. Несмотря на это, непросто всецело согласиться с позицией критиков недавнего решения Международного уголовного суда по Афганистану. «Интересы правосудия», ставшие правовым основанием для отказа в расследовании, предоставляя Суду невероятную гибкость в оценке того или иного дела, по сути дают возможность учесть не только, а порой и не столько юридические факторы иницируемого разбирательства, но и его политическую целесообразность. Последнее наверняка и преобладало в соображениях судебной палаты. Однако едва ли в этом же самом нельзя обвинить все остальные международные уголовные судебные учреждения: от Нюрнберга до югославского и руандийского трибуналов. Такова международная судебная процедура: прямой

²⁸ Исполинов А.С. Россия и Международный уголовный суд: конец эпохи романтических иллюзий. – *Закон*. 11.17.2016. Доступ: https://zakon.ru/blog/2016/11/17/rossiya_i_mezhdunarodnyj_ugolovnyj_sud_konec_epohi_romanticheskikh_illyuzij (дата обращения: 16.08.2019).

²⁹ John Bolton threatens war crimes court with sanctions in virulent attack. – *The Guardian*. September 10, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/sep/10/john-bolton-castigate-icc-washington-speech> (accessed date: 16.08.2019).

³⁰ The Bolton Speech: The Legality of US Retaliatory Action Against Judges and Officials of the International Criminal Court? – *EJIL: Talk!*. September 14, 2018. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-bolton-speech-the-legality-of-us-retaliatory-action-against-judges-and-officials-of-the-international-criminal-court/> (accessed date: 16.09.2019).

или опосредованный спор между государствами всегда замешен на политике, необходимости и целесообразности, компромиссе, уступках и давлении. Вряд ли читатель поспорит с тем, что меньше таковой «утилитарности» и, простите, даже конъюнктурности было в работе и ее итогах в Нюрнберге в 1945–1946 гг.

В этом ключе сомнительны радикальные выводы о неминуемой гибели МУС. В 80-х гг. истерию вызвало вопиющее пренебрежение Международным Судом ООН со стороны США по делу Никарагуа, как только Вашингтон оценил вероятный негативный для него исход дела. Главный судебный орган ООН не прекратил своего существования и продолжает свою работу сегодня.

В этом же ключе ссылаются на прямую критику ряда участников Статута, спекулирующих на выходе из учредительного договора МУС. Интересны растущие скептические настроения относительно Суда, подкрепляемые выходом Филиппин из Римского статута в марте 2019 г. Все же позиции этой страны, в особенности ее лидера Родриго Дутерте, придают чрезмерное значение. Президент страны развернул беспрецедентную по масштабам и как минимум спорную с точки зрения законности кампанию по борьбе с наркодилерами. Массовые внесудебные расправы поддерживаются официальной властью. В ответ на критику международного сообщества глава государства бесцеремонно и грубо оскорбляет любого вне зависимости от его статуса (например, президента США Б. Обаму, тогдашнего генерального секретаря ООН Пан Ги Муна). Решение о выходе из Статута в ответ на планируемое расследование Судом антинаркотической операции в Филиппинах – ожидаемый ответ популистского авторитарного лидера.

И растущее недовольство африканских государств объясняется преимущественно, к сожалению, политическими соображениями и преобладающими антидемократическими тенденциями в самой Африке³¹. В этом плане примечательны самые радикальные критики Международного уголовного суда – Бурунди, Гамбия, Кения.

Чаще всего в непримиримую оппозицию Суду встают государства, в отношении политических лидеров которых с сомнительной репутацией начинается разбирательство в Гааге. Южная Африка заявила о намерении выйти из Римского статута в 2016 г. – сразу же после возникновения проблем с Судом из-за отказа исполнить распоряжение МУС о передаче прибывшего с официальным визитом в республику тогдашнего суданского лидера – Омара аль-Башира, обвиняемого в преступлениях против человечества, военных преступлениях и геноциде³². В настоящее время бывший президент, правивший страной с 1989 по 2019 г., находится под стражей и ожидает суда в Судане.

При этом, даже несмотря на кажущееся единство африканских стран в критике Международного уголовного суда, лишь после нескольких попыток, предпринимаемых с 2009 г., Африканскому Союзу удалось принять решение о Стратегии выхода из МУС (Withdrawal Strategy Document³³) в январе 2017 г. Документ организации рекомендует государствам рассмотреть возможность выхода из Статута как «суверенное право», реализуемое в соответствии с иными международными обязательствами (например, порядок выхода по Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.), а также исключает возможность коллективного выхода африканских стран, рассматривая денонсацию исключительно в качестве индивидуального акта (пар. 8–10). Кроме того, Стратегия обращает внимание на важность выполнения денонсирующим государством ранее принятых на себя обязательств перед МУС в отношении уже начатых расследований и разбирательств (пар. 17–18). Даже несмотря на очевидную выжидательную и осторожную позицию АС³⁴, против резолюции высказались Нигерия, Сенегал, Кабо-Верде и Либерия.

Что касается России, то ее отношения с Международным уголовным судом изначально не сулили продуктивного сотрудничества и полного взаимопонимания. И у советской, и у современной России всегда были непростые и противоречивые отношения с международным

³¹ Исполинов А.С. Указ. соч.

³² ICC Prosecutor presents case against Sudanese President, Hassan Ahmad AL Bashir, for genocide, crimes against humanity and war crimes in Darfur. 2008. URL: <https://web.archive.org/web/20090825232557/http://www.icccpi.int/menus/icc/press%20and%20media/press%20releases/press%20releases%20%282008%29/a> (accessed date: 16.08.2019).

³³ Withdrawal Strategy Document. African Union. URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/supporting_resources/icc_withdrawal_strategy_jan_2017.pdf (accessed date: 16.08.2019).

³⁴ Labuda P.I. The African Union's Collective Withdrawal from the ICC: Does Bad Law make for Good Politics? – *EJIL: Talk!*. February 15, 2017. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-african-unions-collective-withdrawal-from-the-icc-does-bad-law-make-for-good-politics/> (accessed date: 16.09.2019).

правосудием. Исторически российское государство настроено относиться и продолжает так же относиться к органам международной юстиции. Традиционно гипертрофированное восприятие суверенности и болезненное отношение к любым посягательствам в ее отношении [Медведев 2018] исключает активное российское участие в международных разбирательствах.

В этом плане примечателен опыт работы России в Международном Суде ООН. В главном судебном органе Объединенных Наций всегда представлен судья от РФ как от постоянного члена Совета Безопасности. При этом за всю более чем 70-летнюю историю Международный Суд не рассмотрел по существу ни одного дела с участием российской стороны. Исключения – завершенное на стадии предварительных юрисдикционных возражений дело «Грузия против РФ» 2011 г.³⁵ и находящееся на рассмотрении Суда с 2017 г. дело «Украина против РФ»³⁶.

К сожалению, в ключе такой же политики выдержана безапелляционная реакция России на недавнее постановление Международного трибунала по морскому праву относительно инцидента в Керченском проливе³⁷. Иллюстративен здесь и российский подход к возможному отказу от исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека в случае их «противоречия Конституции Российской Федерации»³⁸.

В таких условиях наивно рассчитывать на продвинутые отношения России и органа международной уголовной юстиции. Во-первых, уголовная юрисдикция как форма реализации

государственной прерогативы на насилие составляет одну из существенных основ суверенитета государства. Во-вторых, деятельность Суда, призывающего к ответственности, как правило, представителей высшего руководства государства, а priori не может не носить политического характера. В этом смысле все же лукавят те, кто говорит о высокой или возросшей политизированности работы Гаагского трибунала³⁹. Далеко не безупречны с юридической точки зрения и по соображениям состязательности были Нюрнбергский и Токийский трибуналы; теми же недостатками отличались международные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде. Не случайно признанный специалист в области международного уголовного права А. Кассезе отмечает так называемый «нюрнбергский синдром» (синдром победителя), свойственный всем международным уголовным судам [Cassese 2013: 267-271]. Мы не видим никаких принципиальных оснований к тому, чтобы МУС в этой части кардинально отличался от своих предшественников.

И все-таки даже на первых этапах предварительной проверки прокурором Международного уголовного суда обстоятельств конфликта 2008 г. по грузинскому делу российская сторона принимала участие в проверке, оказывая в разных формах содействие МУС. Тем не менее решение Палаты предварительного производства в январе 2016 г. открыть расследование по грузинской ситуации (1 июля – 10 октября 2008 г.)⁴⁰ с расстановкой, по мнению ряда экспертов, антироссийских акцентов⁴¹, да еще и

³⁵ Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation). URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/140> (accessed date: 16.08.2019).

³⁶ Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation). URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/166> (accessed date: 16.08.2019).

³⁷ Россия отказалась выполнять требование морского трибунала ООН, постановившего отпустить украинских моряков. – *Эхо Москвы*. 25.07.2019. Доступ: <https://echo.msk.ru/news/2452013-echo.html> (дата обращения: 16.09.2019).

³⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». – *Российская газета*. 27.07.2015. Доступ: <https://rg.ru/2015/07/27/ks-dok.html> (дата обращения: 16.08.2019).

³⁹ Эксперт объяснил, почему Россия не будет участницей Римского статута МУС. – *Московский комсомолец*. 16.11.2016. Доступ: <https://www.mk.ru/politics/2016/11/16/ekspert-obyasnil-pochemu-rossiya-ne-budet-uchastnicey-rimskogo-statuta-mus.html> (дата обращения: 16.08.2019).

⁴⁰ Georgia Profile. Coalition for the ICC. URL: <http://www.coalitionfortheicc.org/country/georgia> (accessed date: 16.08.2019).

⁴¹ Богуш Г. *Расследование Международным уголовным судом ситуации в Грузии: вопросы и ответы*. – *Закон*. 07.04.2016. Доступ: https://zakon.ru/blog/2016/04/07/rassledovanie_mezhdunarodnym_ugolovnym_sudom_situacii_v_gruzii_voprosy_i_otvety_42817 (дата обращения: 16.08.2019).

подача этого дела как знакового в силу того, что это первое неафриканское расследование и впервые в связи с международным вооруженным конфликтом, очевидно разочаровали российскую сторону.

Ожидаемой явилась реакция Москвы на открытие предварительной проверки в отношении украинских событий по инициативе Киева, признавшего юрисдикцию трибунала *ad hoc*⁴² (ст. 12 (3) Статута МУС). В предварительном заключении прокурор МУС апеллирует к ситуации в Крыму и на Донбассе в контексте «аннексии» и «международного вооруженного конфликта». Именно это гаагское решение стало триггером к принятию руководством страны упомянутого решения об отзыве подписи из-под Статута и снятия с повестки вопроса о его ратификации. Основанием для юридически оформленного решения явились преимущественно политические соображения.

Принятие Римского статута Международного уголовного суда ознаменовало переход к новому

этапу развития международного права. Без увеличения сбылась мечта просвещенной части человечества – создан постоянный суд, призванный преодолеть безнаказанность на международной арене и привлекать к ответственности недостижимых прежде высших чинов государства. Однако реальность разошлась с иллюзорными надеждами. Международный уголовный суд скорее оказался впереди собственного времени: для успешного воплощения идеи нет ни средств, ни людей, ни опыта.

Не готовы к таким переменам и государства, рьяно отстаивающие собственный суверенитет и личную неприкосновенность политического руководства. В этом случае само существование и функционирование МУС – достижение и благо в интересах грядущих поколений. А самому Суду, сумевшему пережить детские болезни, еще предстоит утвердить собственное место в международном праве.

Список литературы

1. Верле Г. 2011. *Принципы международного уголовного права*. М.: Транслит. 910 с.
2. Игнатенко Г.В. 2011. Международное право: предмет регулирования как комплексная конструкция в рамках системного исследования. – *Российский юридический журнал*. № 1. С. 38–46.
3. Игнатенко Г.В., Марочкин С.Ю. 2003. Постановление Пленума Верховного Суда России от 10 октября 2003 г. и международно-правовые реалии. – *Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации*. № 4. С. 26–31.
4. Лазутин Л.А. 2008. *Правовая помощь по уголовным делам как межотраслевой нормативный комплекс*. Екатеринбург: Издательство УрГЮУ. 404 с.
5. Медведев Д.А. 2018. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью. – *Закон*. № 12. С. 8–16.
6. *Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений*. Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. 2008. М.: Европейская Комиссия. 792 с.
7. Оппенгейм Л. 1948. *Международное право. Т. 1. Полном 1*. М.: Государственное издательство иностранной литературы. 460 с.
8. Осминин Б.И. 2014. Конституционные принципы и взаимодействие международного и внутригосударственного права. – *Журнал российского права*. № 5. С. 12–30.
9. Скуратова А.Ю. 2016. Россия и Римский статут Международного уголовного суда. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 125–137. DOI: 10.24833/0869-0049-2016-4-125-137
10. Bassiouni M. Ch. 2010. Perspectives on International Criminal Justice. – *Virginia Journal of International Law*. Vol. 50. Issue 2. P. 270–317.
11. Cassese A. 2013. *Cassese's International Criminal Law*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press. 399 p.
12. Kambale P.K. 2015. A story of missed opportunities. The role of the International Criminal Court in the Democratic Republic of Congo. – *Contested Justice. The Politics and Practice of International Criminal Court Interventions*. Ed. by Chr. De Vos, S. Kendall, C. Stahn, Cambridge: Cambridge University Press. P. 171–197. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139924528.010>
13. Kirsch Ph. Q.C. 2001. The International Criminal Court: Current Issues and Perspectives. – *Law and Contemporary Problems*. Vol. 64. No. 1. P. 3–12.
14. Sievert R. 2006. A New Perspective on the International Criminal Court: Why the Right Should Embrace the ICC and How America Can Use It. – *University of Pittsburgh Law Review*. Vol. 68. P. 77–129. DOI: 10.5195/lawreview.2006.92
15. Stahn C. 2019. *A Critical Introduction to International Criminal Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 448 p.

⁴² Украина подписала Статут в 2000 г., но так его и не ратифицировала. Формальным препятствием к тому явилась позиция Конституционного Суда республики, признавшего Римский статут не соответствующим украинской конституции и в силу этого не подлежащим ратификации до внесения изменений в Основной закон страны. См.: Заключение №. 1-35/2001 от 11 июля 2001 года Конституционного суда Украины. Дело об обращении Президента Украины в Конституционный суд для получения заключения относительно соответствия Конституции Украины Римскому статуту Международного уголовного суда. Доступ: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/icc-ukraine-110701.htm> (дата обращения: 16.08.2019).

References

1. Bassiouni M. Ch. Perspectives on International Criminal Justice. – *Virginia Journal of International Law*. 2010. Vol. 50. Issue 2. P. 270–317.
2. Cassese A. *Cassese's International Criminal Law*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press. 2013. 399 p.
3. Ignatenko G.V. Mezhdunarodnoe pravo: predmet regulirovaniya kak kompleksnaya konstruktsiya v ramkakh sistemnogo issledovaniya [International law: subject of regulation as a complex construction within framework of system research]. – *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2011. No. 1. P. 38–46. (In Russ.)
4. Ignatenko G.V., Marochkin S.Yu. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossii ot 10 oktyabrya 2003 g. i mezhdunarodno-pravovye realii [Ruling of the Supreme Court dated October 10, 2003 and International Law Realities]. – *Byulleten' Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii*. 2003. No. 4. P. 26–31. (In Russ.)
5. Kambale P.K. A story of missed opportunities. The role of the International Criminal Court in the Democratic Republic of Congo. – *Contested Justice. The Politics and Practice of International Criminal Court Interventions*. Ed. by Chr. De Vos, S. Kendall, C. Stahn, Cambridge: Cambridge University Press. 2015. P. 171–197. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139924528.010>
6. Kirsch Ph. Q.C. The International Criminal Court: Current Issues and Perspectives. – *Law and Contemporary Problems*. 2001. Vol. 64. No. 1. P. 3–12.
7. Lazutin L.A. *Pravovaya pomoshch' po ugovolnym delam kak mezhotraslevoy normativnyy kompleks* [Legal Assistance on Criminal Cases as International Normative Pattern]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrGYuU Publ. 2008. 404 p. (In Russ.)
8. Medvedev D.A. 25 let Konstitutsii: balans mezhdud svobodoy i otvetstvennost'yu [The 25th Anniversary of the Constitution: balancing freedom and responsibility]. – *Zakon*. 2018. No. 12. P. 8–16. (In Russ.)
9. *Mezhdunarodnyy ugovolnyy sud: problemy, diskussii, poisk resheniy*. Pod red. G.I. Bogusha, E.N. Trikoz [ICC: Problems, Disputes, Settlement. Ed. by G.I. Bogusha, E.N. Trikoz]. Moscow: Evropeiskaya Komissiya Publ. 2008. 792 p. (In Russ.)
10. Oppenheim L. *International Law*. Vol. 1: Peace. Part 1. (Russ. ed.: Oppenheim L. *Mezhdunarodnoe pravo*. T. 1. *Polutom 1*. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostranoy literatury Publ. 1948. 460 p.)
11. Osminin B.I. Konstitutsionnye printsipy i vzaimodeystvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava [Constitutional Principles and Interaction of International and Domestic Law]. – *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2014. No.5. P. 12–30. (In Russ.)
12. Sievert R. A New Perspective on the International Criminal Court: Why the Right Should Embrace the ICC and How America Can Use It. – *University of Pittsburgh Law Review*. 2006. Vol. 68. P. 77–129. DOI: 10.5195/lawreview.2006.92
13. Skuratova A.Yu. Rossiya i Rimskiy statut Mezhdunarodnogo ugovolnogo suda [Russia and the Rome Statute of the International Criminal Court]. – *Moscow Journal of International Law*. 2016. No. 4. P. 125–137. (In Russ.). DOI: 10.24833/0869-0049-2016-4-125-137
14. Stahn C. *A Critical Introduction to International Criminal Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2019. 448 p.
15. Werle G. *Principles of International Criminal Law*. (Russ. ed.: Werle G. *Printsipy mezhdunarodnogo ugovolnogo prava*. Moscow: Translit Publ. 2011. 910 p.)

Информация об авторах**Лев Александрович Лазутин,**

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет

620137, Российская Федерация, Екатеринбург, Комсомольская ул., д.21.

mp@usla.ru
ORCID: 0000-0002-3479-6612

Максим Александрович Лихачев,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет

620137, Российская Федерация, Екатеринбург, Комсомольская ул., д.21.

m.a.likhachev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7848-5007

About the Authors**Lev A. Lazutin,**

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International and European Law, Ural State Law University

21, ul. Komsomolskaya, Yekaterinburg, Russian Federation, 620137

mp@usla.ru
ORCID: 0000-0002-3479-6612

Maksim A. Likhachev,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Department of International and European Law, Ural State Law University

21, ul. Komsomolskaya, Yekaterinburg, Russian Federation, 620137

m.a.likhachev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7848-5007